

КРИЗИСЫ, КОНФЛИКТЫ И МИГРАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(Сводный реферат)

1. HALBACH U. Krisen, Konflikte und Migrationen im Nordkaukasus // HALBACH U. Migration, Vertreibung und Flucht im Nordkaukasus: Ein europ. Problem. – Köln, 1999. – S.3-20.

2. ТИШКОВ В. Антропология российских трансформаций // О-во и экономика. – М., 1999. – N 3/4. – С. 37-61.

Германский исследователь У. Хальбах (1) отмечает, что регион Северного Кавказа является наиболее дестабилизирующей частью Российской Федерации. Факторами этой дестабилизации являются этнополитические и этнотерриториальные конфликты, особенно сильно выраженный здесь экономический кризис, обострение криминальной обстановки, воздействие на общерегиональное развитие неспокойной ситуации в Чечне, выявленная неспособность правительства России управлять своей северокавказской территорией. Ко всему этому добавились серьезные проблемы беженцев и миграции, явившиеся следствием внутренних конфликтов, как например, конфликта между Северной Осетией и Ингушетией, приведшего к «этническим чисткам»; миграционные проблемы, связанные с чеченской войной; миграции в Дагестан, нарушающей этнополитический баланс в этой многонациональной республике. Регион, являющийся составной частью РФ, менее доступен для проведения здесь международной политики, чем Закавказье, причем вовлеченность международного сообщества ограничивается деятельностью наблюдателей ОБСЕ за ходом событий и рядом проектов ООН и МВФ для помощи беженцам в регионе.

Северный Кавказ включает 7 бывших автономных республик – Адыгею (449 тыс. жителей), Карачаево-Черкессию (436 тыс.), Кабардино-Балкарию (789,5 тыс.), Северную Осетию-Аланию (664,2 тыс.), Ингушетию (около 300 тыс.), Чечню (около 862 тыс.) и Дагестан (2121,2 тыс. жителей), а также три южнороссийских региона – Краснодарский край (5 млн.), Ставропольский край (2,6 млн.) и Ростовскую область (4,4 млн. человек). Численность населения, учитывая миграционные потоки, является весьма приблизительной, особенно для Чечни и Ингушетии (1, с. 6)..

В целом в регионе 60% населения составляют этнические русские. В Ростовской области они составляют почти 90% населения, в Краснодарском крае - 85% и в Ставропольском крае -78%. В бывших автономных республиках их доля к концу советского периода составляла в среднем около 20%, но значительно варьировалась по республикам (от абсолютного меньшинства в Адыгее до самой большой диаспоры в Карачаево-Черкессии) (1, с.7).

Еще до начала серьезного регионального конфликта Северный Кавказ был регионом оживленной миграции, хотя ее причины и направление отличались от нынешних. Из-за высокой рождаемости и нехватки пригодных для обработки земель с 50-х годов население перемещалось из горных районов на равнину, из деревень в города; усилилась миграция рабочей силы, особенно молодежи, в

другие части России и Советского Союза. Жители Северного Кавказа мигрировали в промышленные районы Азербайджана и Казахстана, промышленные зоны Сибири и в российские города. В то же время благоприятные климатические условия Северного Кавказа привлекали мигрантов из других частей России и Советского Союза. Часть русских с 60-х годов переселялась в города и промышленные зоны региона и работала, например, на нефтеперерабатывающих предприятиях Чечни.

С ростом национальных движений, «парада суверенитетов» бывших советских республик и автономных областей РСФСР и взрыва этнических и территориальных конфликтов миграционные потоки на Кавказе изменились. Северный Кавказ стал самым кризисным и конфликтным регионом России, особенно его восточная часть, включая Северную Осетию, Ингушетию, Дагестан и Чечню. В западной части региона ситуация относительно стабильна. Здесь позиции русского населения сильнее, и этнокультурные и религиозные различия меньше. Например, ислам здесь внедрился слабее, чем в Чечне, Ингушетии и в Дагестане, хотя нельзя считать западную часть Северного Кавказа свободной от потенциала этнических и территориальных конфликтов.

Значительное демографическое и политическое неравновесие между титульными нациями появилось в результате сталинской национальной политики, при которой на одной территории объединялись разные этносы, а родственные – разделялись, осуществлялась депортация, и все это отражалось на этнополитическом балансе соответствующей территории.

В настоящее время к наиболее кризисным явлениям на Северном Кавказе можно отнести обострившуюся внутривнутриполитическую ситуацию в Чечне, неконтролируемое создание вооруженных формирований, связь между политическими, этническими и религиозными движениями и криминальными структурами, участвовавшие террористические акты и похищения людей по политическим и криминальным мотивам, использование религии для борьбы за власть, в том числе попытки исламизации Чечни, захвата Дагестана, конфликты между местным и «импортируемым» (вахабизм) исламом. А материальной основой этого кризиса является бедственное экономическое положение региона.

Взрывоопасная комбинация исторических, демографических, этнокультурных, социально-экономических и геостратегических факторов создала на Северном Кавказе ситуацию, с которой не могут справиться ни на федеральном уровне, ни местные властные элиты. Разрушение правового поля и государственной власти, по крайней мере на востоке региона, зашли столь далеко, что, по мнению автора, восстановление здесь конституционного порядка уже трудно себе представить. После обострения внутривнутриполитической ситуации в Чечне в Москве забили тревогу.

В целом, констатирует автор, северокавказская политика России обременена целым рядом препятствий:

- несмотря на серьезные политические неурядицы (особенно сепаратизмом в Чечне), Россия не может окончательно отказаться от традиционных стереотипов своей кавказской политики и все еще разделяет, по утверждению ингушского президента Аушева, народы Северного Кавказа на «надежные» и «ненадежные»;

- несмотря на образование многочисленных комиссий, конференций и стратегических документов о ситуации на Северном Кавказе, до сих пор нет обязательной концепции российской региональной и национальной политики по отношению к беспокойным регионам. Российские политические акции скорее увеличивали напряженность конфликта. «Отсутствие концепции и региональная некомпетентность центра характеризовали кавказскую политику администрации Б. Ельцина" (1, с.9). Руководители северокавказских республик требуют от Москвы активной политики по отношению к Чечне, предупреждают от изоляции республики.

Симптомом и катализатором конфликтов и кризисов были с начала 90-х годов мигранты, беженцы и вынужденные переселенцы в регионе. Наряду с ростом напряженности между Москвой и Чечней, исходным пунктом этого процесса был изданный в 1991 г закон РФ «О реабилитации репрессированных народов», который оказал на Кавказе неоднозначное воздействие, поскольку у депортированных при Сталине народов – чеченцев, ингушей, балкар и карачаевцев – после их реабилитации и восстановления территориальных единиц остались неудовлетворенными претензии по поводу «территориальной реабилитации», в частности, претензии Ингушетии на принадлежавшую им до 1944 г. территорию Пригородного района под Владикавказом, который с тех пор находится под управлением Северной Осетии. Закон стимулировал спонтанное возвращение упомянутых групп населения в спорные регионы, порождая тем самым многочисленные межэтнические конфликты. Из прежнего места жительства в бывших советских республиках люди возвращались на свою «этническую родину», где их никто не ждал. В Северную Осетию из Грузии и Центральной Азии возвращались десятки тысяч осетин, в результате в конце 1998 г. в республике оказалось, по оценке ее президента, 38 тысяч беженцев (1, с.11).

Но этнотерриториальные и политические конфликты сопровождались не только внутрирегиональной миграцией, но и массовым выездом из региона, прежде всего в Россию: в 1989 г. община северокавказских национальностей в Москве составляла 25 тыс. человек, но с тех пор выросла в три-четыре раза. Но больше всего мигрировали русские: из Дагестана в 90-е годы выехали около 200 тыс. человек, из них русские составили 95%, из Чечни и Ингушетии – 450 тыс. человек (1, с.11). Причиной исхода мигранты называют социальные, культурные и экономические притеснения, которые увеличивались по причине концентрации титульных наций в соответствующих республиках.

Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края стали областями прибытия и поселения для переселенцев, беженцев и изгнанников из различных регионов распавшейся советской многонациональной империи. С 1989 г. сюда прибыл почти 1 млн. граждан России и сотни тысяч мигрантов из бывших советских республик: в Краснодарский край – 670 тыс., в Ростовскую область – 400 тыс. и в Ставропольский край – 280 тыс. человек, но на 1 января 1998 г. только 248 тыс. были зарегистрированы как «беженцы». Местные власти трех регионов, перенасыщенных потоком прибывающих, ограничили регистрацию беженцев, поскольку сочли ухудшившимся положение собственного коренного населения из-за роста цен на недвижимость, обострения конкуренции на и без того сократившемся рынке рабочей силы и криминальной обстановки. Другие регионы

также приняли меры по ограничению потока беженцев. Особенно это коснулось беженцев из Чечни. Среди зарегистрированных в 1998 г. в Ставропольском крае беженцев 65% оказались выходцами из Чечни (1, с.12).

Принимались даже меры по принудительному выселению беженцев и мигрантов, несмотря на предупреждение Верховного комиссара ООН по делам беженцев о недопустимости принудительной депортации беженцев, поскольку каждая попытка насильственной репатриации сопровождалась новой вспышкой конфликтов. Но были, по сообщению российских СМИ, и примеры мирного организованного возвращения беженцев и переселенцев на Северный Кавказ с помощью международных и местных организаций, в частности, осетинские беженцы были возвращены в Южную Осетию и Грузию, а ингушские – в Северную Осетию.

Рассматривая более подробно ситуацию в отдельных зонах конфликта, автор приходит к выводу, что война российской армии против отделившегося «субъекта федерации», называемая Москвой «ограниченной военной акцией против сепаратистов и бандитов», обрела черты войны на уничтожение городов, деревень и мирного населения и вызвала на Северном Кавказе сильнейшее движение беженцев, общее число которых оценивается в 400 тыс. человек. Только из-за последствий в сфере миграции война в Чечне явилась сильнейшим фактором дестабилизации на Северном Кавказе и в других районах Юга России.

До сегодняшнего дня большое число чеченских беженцев живет в разных районах Юга России и подвергается дискриминации в большей мере, чем другие «лица кавказской национальности». В Волгоградской области, например, в некоторых сельских населенных пунктах требовали настоящей депортации кавказцев, особенно чеченцев. Межэтнические отношения в сельской местности носили характер открытой враждебности. В Кабардино-Балкарии республиканский парламент принял летом 1997 г. решение о принудительном выселении чеченцев. При этом среди 5 тыс. человек, которых касалось это решение, было много противников дудаевско-масхадовского режима.

В Дагестан и Ингушетию бежали в основном чеченцы. Русские уходили из Чечни преимущественно в российские регионы Северного Кавказа и Южной России, а также в Москву и другие части страны. Исход русских начался осенью 1991 г и усилился с началом «чеченской революции» и приходом к власти национально-сепаратистского режима Дж. Дудаева. В 1991 г. Чечню покинули 25 тыс., в 1992 г. – 35,8 тыс. русских. В последующие годы уход продолжался в связи с криминализацией республики, политической нестабильностью, ухудшением материального положения. Первыми покинули Чечню функционеры разрушенного советского режима и работники государственного аппарата, затем – квалифицированные рабочие пришедших в упадок промышленности и сферы обслуживания. Среди русскоговорящих раньше всех уехали евреи и армяне, затем – этнические русские. В апреле 1997 г. российское правительство издало закон о помощи русским беженцам из Чечни, который получил печальную известность, поскольку не был воплощен в жизнь. По данным министерства национальностей и региональной политики РФ, в 1998 г. в Чечне проживало от 30 до 50 тыс. русских (1, с. 13). Проводившаяся исламизация Чечни (введение шариатских судов и других исламских институтов) внушала русскому меньшинству дополнительные опасения.

Автор считает, что систематического преследования русского меньшинства в Чечне не было, но материальные трудности в разрушенной войной стране при безработице, охватившей почти 80% трудоспособного населения, росте преступности, невыплате зарплат и пенсий более чем за два года, внутривойсковые волнения внушали страх перед новой гражданской войной. В случае нормализации политических и социально-экономических условий русские беженцы, прежде всего бывшие работники промышленности и нефтяных промыслов готовы, по мнению автора, вернуться, поскольку в местах их нового жительства их часто называют «чеченцами» или «чеченскими русскими» и подвергают дискриминации.

Конфликт между осетинами и ингушами, вспыхнувший в 1992 г. в Северной Осетии -Алании, особенно в спорном Пригородном районе под Владикавказом, явился первым кровавым конфликтом между двумя группами населения в пост-советской России. Он имеет ряд общих черт с другими конфликтами на Кавказе: выраженный этно-территориальный характер – главной причиной спора является Пригородный район площадью около 300 кв. км., который до депортации ингушей и чеченцев в 1944 г. принадлежал Чечено-Ингушетии, а после депортации и распада Чечено-Ингушской АССР отошел к соседней Северной Осетии; беспримерная жестокость, проявившаяся в борьбе между не враждовавшими ранее народами; этнические чистки – по ингушским данным, около 70 тыс. ингушей были изгнаны из Северной Осетии (1, с. 15); переплетение с соседними конфликтами и вызванной ими иммиграцией; влияние на политические и социально-экономические отношения в обеих вовлеченных в конфликт республиках – в Северной Осетии и Ингушетии.

С августа 1994 г. с помощью международных организаций было организовано возвращение беженцев на их старое местожительство. К середине 1996 г. вернулось почти 9 тыс. беженцев, но нерешенная до конца проблема является препятствием для окончательного урегулирования конфликта. Со сменой власти в Северной Осетии к началу 1998 г. отношения между президентами двух республик несколько улучшились, они вступили в диалог. Однако проблема беженцев продолжает отягощать политический климат и обострять напряженность. Учащаются террористические акты, вновь возникает проблема беженцев.

Ситуация в Северной Осетии осложняется тем, что темпы возвращения беженцев из Ингушетии в Пригородный район (самую плодородную сельскохозяйственную часть Северной Осетии) превышают темпы создания соответствующих экономических предпосылок для этого. Даже при предоставлении согласованных обеими республиками и федеральным правительством денежных пособий организованное возвращение беженцев займет 7-10 лет. А кроме того район принял 8,7 тыс. осетинских вынужденных переселенцев из Грузии, Абхазии, Ингушетии, Чечни и Средней Азии. Из-за конфликта разрушены все экономические структуры (1, с.16). В целом в Северной Осетии в конце 1998 г. находилось более 38 тыс. беженцев и изгнанников.

Федеральная миграционная служба (ФМС) продолжает предоставлять широкую помощь беженцам. В 1997 г. руководство республики вынесло решение об освобождении санаториев, туристических центров и других жилых помещений, в которых ранее размещались беженцы, поскольку правительство будто бы

гарантировало их возвращение в прежние места проживания, например, в Грузии. На самом деле квартиры осетин в Грузии давно заняты грузинами, так что обещание возврата было безосновательным. Большая часть изгнанных из Северной Осетии ингушей все еще живет во временных убежищах и у родственников.

Но если Северная Осетия, в которой 30% населения живет ниже черты бедности, имеет, по сравнению с другими регионами России и странами СНГ, относительно «нормальные» социально-экономические показатели, то Ингушетия с начала своего провозглашения республикой в 1991 г. находилась в чрезвычайно бедственном положении. На ее территории в 3200 кв. км. практически нет значительных экономических объектов. Лишь образование особой экономической зоны должно было оживить строительство и экономическую деятельность. И хотя в 1997 г. этот особый режим был отменен решением парламента, республиканскому бюджету был предоставлен компенсационный кредит. К тому же президент Аушев сумел добиться от Москвы регулярных переводов для выплаты пенсий и социальных пособий.

И все же экономика республики была недостаточно сильной, чтобы обеспечить всех беженцев, численность которых составляла временами около половины ее собственного населения. В 1998 г. ФМС заявила о готовности семей ингушских беженцев переселиться в другие регионы России. Это вызвало в Ингушетии резкие протесты, поскольку уже приобретенный опыт показал, что нигде в России их не ждут; более того, « в последние годы на официальном уровне разжигается ненависть против «лиц кавказской национальности», поэтому «верхом цинизма является подобное предложение со стороны высших властей России» (1, с. 17).

Многонациональной республике Дагестан в российской прессе уделяется самое большое, после Чечни, внимание, поскольку ни в одном субъекте Федерации нет такого множества признаков кризиса, как в этой крупнейшей и самой населенной северокавказской республике, которая является к тому же и самым этнически дифференцированным регионом России. Дагестан в настоящее время испытывает все отрицательные последствия вовлеченности в борьбу против чеченского сепаратизма. Средняя заработная плата здесь более чем в три раза ниже, чем в среднем по стране. Промышленность, сильно ориентированная на военное производство, в значительной степени простаивает. Экономический кризис усилил традиционный разрыв в уровне развития между горной и равнинной местностями, многие горные жители мигрировали в немногочисленные города равнины, и теперь половину населения здесь составляют переселенцы. Живущие здесь этнические группы, прежде всего кумыки и ногайцы, опасаются остаться в меньшинстве в местах своего проживания. Казаки, живущие в нижнем течении Терека, тоже оказались в меньшинстве, тогда как раньше составляли большинство местного населения. Этнополитические и социальные проблемы, связанные с неконтролируемой миграцией, побудили правительство республики выработать программу по стимулированию развития горных районов. Однако средств на преобразования, разумеется, нет.

Миграция между местами расселения многочисленных этносов Дагестана может взорвать сложившийся этнополитический баланс в республике. Даже раньше переселение одной национальной группы в места обитания другой

угрожала нарушением стабильности, а после распада СССР эта опасность обострилась из-за разнообразных социально-экономических проблем переходного периода. Из-за сложной национально-территориальной структуры взрывоопасной темой стала земельная реформа и приватизация земли. Споры из-за нехватки земель привели к конфликтам между группами населения. Однако новые переселения вызваны не только социально-экономическим кризисом в самом Дагестане, но и этническими конфликтами в соседних Грузии, Азербайджане, а также положением в Чечне.

Русские и казаки Дагестана для противостояния многочисленным дагестанским «народным фронтам» и «этнической милиции», а также переселению других групп населения в места их проживания попытались создать собственные организации типа «Формирование терских казаков» или основанной в 1994 г. в Махачкале «Русской общины». На конференции движения «Русь» в Кизляре в качестве причин миграции русских из Дагестана были названы этнический и религиозный экстремизм, действия нелегальных групп, растущая межэтническая напряженность в повседневной жизни, война в Чечне, безработица, переселение дагестанцев из горных районов на равнину. Участники требовали большей активности от властей и интеграции казаков в местные институты власти. Но правительство Дагестана решительно выступило против создания вооруженных казачьих формирований. Доля русских в населении республики составляла в 1997 г. только 7,2%, а их представительство в республиканском руководстве – еще меньше - 4,6% (1, с.19).

Но сильнее всего Дагестан дестабилизируют чеченские события. Обе республики тесно связаны между собой этнокультурным и историческим развитием: в западной части Дагестана (округ Хасавюрт и др.) живут почти 100 тыс. этнических чеченцев (так называемые акинцы-чеченцы). Чеченские группы населения Дагестана не только требуют вернуть им бывшие чеченские территории, на которые в свое время переселились дагестанские народы (в частности, лакцы), но и готовы присоединиться к движению за отделение от Дагестана, с тем чтобы воссоединиться с «этнической родиной». В свою очередь и националистические силы в Чечне предъявляют территориальные претензии к Дагестану. В настоящее время трансграничное движение по объединению различных группировок в обеих республиках проходит под флагом ислама и воспоминаний о совместной борьбе против российской империи в XIX веке, которая велась тогда как «газават» – война против «неверных» под руководством имама Шамиля.

После начала первой чеченской войны потоки беженцев перешли границы Дагестана. Международные организации, такие как Красный Крест и Верховная комиссия ООН по делам беженцев (UNHCR), открыли в 1995 г. свои филиалы в Хасавюрте и Махачкале; специализированные организации ООН тоже создали свои представительства в Дагестане. Треть беженцев была размещена в лагерях, большая часть нашла приют в дагестанских семьях чеченского происхождения. Тем самым и ранее существовавшая «чеченская проблема» еще больше обострилась. В 1996 г. поток беженцев сократился, а после заключения хасавюртского мира в августе в Дагестане осталось, по оценкам, еще 30 тыс. беженцев. Однако из-за «прозрачности» чечено-дагестанской границы точное их число определить невозможно.

Прибытие беженцев обострило социально-экономические и внутриэтнические проблемы, привело к удорожанию и без того недостаточных земель и жилья и нарушило чувствительный этнополитический баланс в Дагестане. Особенно ущемленными на своей «родовой» территории почувствовали себя кумыки, доминирующие в Хасавюрте, которые потребовали создания автономного «Кумыкистана», что, в свою очередь, привело в ярость «народный фронт аварцев» под названием «Шамиль». Национальное движение ногойцев «Бирлик» тоже потребовало территориальной автономии в целях защиты своего этноса от миграции других этнических групп. Подобные этнические организации, хотя и не являются прямым следствием чеченской войны, в значительной мере определяют политическую жизнь Дагестана.

Кроме того, война в Чечне привела и к другим последствиям, усилив общие антикавказские настроения в России и других частях бывшего СССР. В связи с этим дагестанцам и другим северокавказским народам приходится возвращаться в родные места из промышленных областей каспийского пространства и России.

Российский исследователь В. Тишков, оценивая трансформацию общества в России в целом и на Северном Кавказе в частности, отмечает, что демография периода «перестройки» отмечена более быстрым ростом численности «северокавказцев» и сокращением доли русских, татар и чувашей в общем населении региона. Но это, считает автор, не должно быть предметом спекуляций. Доля русских не является вопросом жизненной стратегии государства. В дореволюционной России и в СССР русские никогда не составляли более 55% (2, с.46). Подавляющее демографическое доминирование одной группы не является залогом крепости государства, ибо даже 1% населения и территории, который составляют чеченцы и Чечня в России, может стать базой масштабной войны. Действительной же проблемой является высокая рождаемость в горных дагестанских и других северокавказских селах, где недостаточно ресурсов, завышенные социальные ожидания и бедность вызывают напряженность, конфликты и выход граждан из правового пространства.

В.И. Шабаета